

Эллин Ти

Нерядом

LIKE
BOOK

Москва

Эллин Ти

Нерядом

LIKE
BOOK

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т39

Художественное оформление *Анастасии Зининой*

Иллюстрация на обложке LINK

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© Ilonka K-Art, ChekmanDaria / Shutterstock.com /
FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Ти, Эллин.

Т39 Нерядом / Эллин Ти. — Москва : Эксмо, 2025. —
384 с.

ISBN 978-5-04-212547-8

Виктор Громов, тренер хоккейной команды «Феникс», не может представить себя без своей работы. Ведь личной жизни у него нет. Именно поэтому его подопечные устраивают ему свидание вслепую, где тренер встречает подругу детства, Марину Горину.

Тем временем дочь Виктора, Диана, устраивается в команду поддержки чирлидером и встречает Диму Горина, племянника Марины. Он тот еще повеса, но в Диане видит не очередную жертву своих интрижек, а нечто большее. Только Виктор, Диану и Марину это не сильно убеждает.

Как доказать свою любовь? Сможет ли сердце увидеть то, чему разум так отчаянно сопротивляется?

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ти Э., текст, 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-212547-8

Глава 1

Виктор

Не самое приятное утро в жизни начинается с ора кошки. Это невоспитанное и вечно голодное создание по имени Марфа досталось мне от бывшей жены. Собственно, это вообще единственное, что от нее осталось. Она забрала все. Вообще все. И если на квартиру, машину, какие-то вещи и прочее мне в целом было плевать, то на дочь, которую я не видел уже девять месяцев, — нет.

Сегодня, кстати, круглая дата нашего развода. Девять месяцев назад Ира сказала, что ее достали мои постоянные тренировки, дети, хоккей и прочее, собрала вещи, схватила дочь за руку, села в машину и свалила, пока я был на сборах и не мог приехать поговорить. А через время мне пришли бумаги о разводе на подпись и письмо о том, что квартиру нужно продать, а деньги поделить пополам. И вот с того момента — ровно полгода сегодня.

Я общаюсь с дочерью, нечасто, но общаюсь. Ей неделю назад исполнилось восемнадцать, совсем взрослая моя малышка. Она постоянно на тренировках своих, танцует, у меня вечно дети, поэтому созво-

ниться раз в неделю — наш максимум. Но за неимением большего и это радует.

Я очень скучаю.

Дочь жалуется, что ей не нравится в Питере, куда увезла ее Ира: холодно, сыро, вечно дожди. А еще все друзья тут, танцевальная студия любимая, да и в универ она тоже в Москве собиралась поступать. Но Ира не оставила ей выбора, как в целом не оставляла выбора никому и никогда.

Мы с ней познакомились, еще когда я сам в хоккей играл, а потом в тренерство очень рано ушел: из-за травмы пришлось завязать с играми, пошел обучать детей. Набрал свою первую группу, «Феникс», старшие мои, уже до КХЛ их довел, и многие сами тоже уже тренируют.

Познакомились, закрутилось быстро, поженились, молодые были, горячие. Я много работал, Ира тоже карьеру строила, потом забеременела и ушла в декрет. Дианка родилась, звездочка моя. Абсолютно неуправляемая девчонка была с первых дней жизни. Она Марфу к нам в дом и притащила: подобрала ее, блохастую и грязную, где-то на улице и ревела с ней на руках полчаса, умоляя оставить.

Ну оставили, конечно... В итоге только Марфа со мной и живет теперь в небольшой съемной квартире, потому что в той, что я купил после развода, все никак не закончат ремонт. Но, слава богу, скоро можно будет переезжать.

Тридцать семь лет, живу с кошкой... М-да уж. Веселая жизнь у тебя, Виктор Палыч, очень веселая.

— Да не ори ты, сейчас покормлю, — отвечаю Марфе, хотя это никогда вообще не работает. Она орет до

Нерядом

того момента, пока в ее тарелке не появится еда. Еще и перебирает! То ей корм не такой, то мясо невкусное, то печень пахнет не так. И вот даже сейчас она смотрит на сосиску в своей тарелке с таким выражением морды, словно я туда положил ей кусок мыла и заставил есть. — И не смотри на меня так, я не успел вчера корм купить. Сегодня куплю, жри сосиску.

Иду в ванную, надо умыться и срочно проснуться, скоро тренировки, а я по частям себя собрать не могу. Но не успеваю дойти до комнаты, как в дверь кто-то настойчиво стучит. Кого принесло-то в восемь утра?

Открываю.

Млею...

— Папулечка! Сюрприз!

— Мышка?

Глава 2

Диана

— И не ори на мать! Если я сказала, то так и будет, точка!

— А вот и нет! — все-таки кричу и хлопаю дверью, закрываясь в своей комнате.

Это просто невозможно! После того как мама развелась с папой и утащила меня с собой в Питер, наши отношения стали хуже некуда. Не то чтобы мы раньше были подругами, но так плохо еще не было никогда. Я больше папина дочка, и поводов ссориться с мамой не было как раз по причине того, что все мои проблемы решал папа. Но то, что происходит сейчас...

Я хочу поступать на хореографа, ведь танцую с трех лет! Мало того, что из-за переезда мне пришлось бросить мой любимый коллектив и студию, так еще и выяснилось, что мама против этой профессии. «Это не работа, а черт знает что», — главный ее аргумент. Она хочет, чтобы я стала юристом. Или журналистом. Или финансистом. Или, на крайний случай, психологом. Кем угодно, только не тем, кем хочу я.

А я хочу танцевать! Преподавать деткам, как папа! Открыть свою школу танцев, возить их на конкурсы и радоваться успехам. А не быть финансистом или,

упаси боже, психологом. Но она меня вообще не слышит и думает, что будет все решать за меня. Но... нет. Я не пойду учиться туда, куда мне не хочется, только чтобы успокоить маму. В конце концов, я ведь не отказываюсь от образования! Просто хочу стать хореографом. Я и так шла у нее на поводу слишком долго, потеряла год, могла бы поступать! Так что... хватит.

Но мама искренне считает, что люди, которые работают с детьми, не способны к семейной жизни, и что я себе испорчу будущее, если буду преподавать.

Судит она, конечно, по папе. Потому что бросила его, когда он был на сборах. Она психовала все время, пока он был в отъезде, что с ним невозможно жить, ведь ему его хоккеисты дороже семьи.

Но... Да, папы часто не бывало дома. Он уезжал на выездные серии, задерживался на работе или даже пропадал все лето на сборах, но никто и никогда не был ему важнее семьи. Я знаю, как сильно он любил меня, и даже отсутствие огромного количества времени на общение никогда нам не мешало быть лучшими друзьями и самыми лучшими папой и дочкой.

Но мама смириться с этим не смогла, и я стараюсь ее не осуждать, но получается плохо. Потому что мы бросили папу, и от этого я страдаю уже почти год. И общаемся мы с ним редко очень, потому что заняты оба, да и... О чем говорить? Я бы с большим удовольствием его просто обняла.

Ну, короче, мама считает, что я испорчу себе жизнь танцами и стану такой же как «твой папаша».

А я хочу как он! Хочу!

Мой папа — восхитительный тренер. Он в восемнадцать лет стал тренировать своих «Фениксов», сей-

час они уже в КХЛ, звезды нашего города, крутейшие игроки!

Да разве можно это обесценивать? Папа сутками работал и каждый день достигал новых высот, а мама... А мама не ценила.

И в итоге мы в Питере, папа в Подмосковье, все одиноки и глубоко несчастны.

И мама, кстати, больше всех. Потому что ей не нравится работать, потому что очередной ухажер не выдержал ее характера и сбежал, потому что жизнь не такая радужная, как хотелось бы. А терпеть ее мог только папа, потому что любил!

Но она словно принципиально не хочет этого понимать.

Мы, собственно, поэтому и поссорились. Началось за папу, потом за танцы, потом ее любимое «я сказала». А я в папу характером, я тоже сказала!

Ну и хлопнула дверь, и вот теперь достаю чемодан из-под кровати, надеясь не оторвать ручку.

Я к папе хочу! Он не смог приехать на мое восемнадцатилетие, записал большое видеопоздравление, над которым я ревела два дня, перевел подарок на карту... А я хочу обниматься. И поеду обниматься!

Мама влетает в комнату ураганом, чуть не снеся дверь с петель. Смотрит на то, что я делаю, и звереет еще сильнее.

— И куда намылилась?

— В Москву! К папе поеду, — отвечаю ей и начинаю закидывать в чемодан необходимые вещи. Ну мне особо-то и не надо много, конечно, я же на несколько дней всего, просто пока нервничаю, кидаю все подряд. Я вообще, когда нервная, не особо управ-

ляемая. Творю вечно что-то, потом сама себя ругаю за все, что наделала.

— Куда-куда ты поедешь?! — переспрашивает мама уже совсем другим тоном. Ее настроение меняется сразу же, стоит мне заговорить о папе, каждый раз, о чем бы мы ни говорили. А я не понимаю, как так можно! Они столько лет вместе прожили, меня вот родили, воспитали... А теперь она только раздражается, его вспоминая. А ведь папа у меня самый лучший! Даже ничего плохого никогда не делал ей. Она меня очень обижает таким отношением к нему, потому что я его всем сердцем люблю и он совершенно такого не заслуживает.

— К папе, — кидаю платью в чемодан, словно вообще ношу платья, — я же сказала. До поступления время еще есть, я соскучилась. Мы не виделись почти год, имею я право поехать к отцу?

— Сам пусть приедет! Он же отец.

— Он работает!

— Вот именно! Всегда так. Он работает, а ты за ним хвостом таскаться будешь?

— Он найдет время, чтобы меня обнять, и мне этого будет достаточно.

Чувствую, как эмоции становятся только ярче, это уже просто невозможно. Мама словно ненавистью к нему горит, ну или наоборот: до сих пор любит, но никак не может разобраться со своими тараканами.

Не знаю и не уверена, что знать хочу.

— Тогда выбирай, — внезапно говорит она и складывает руки на груди. А я смотрю на нее с недоумением и не понимаю, что она имеет в виду. Потому что если то, о чем я думаю, это совсем уж кошмар...

— Выбирать что?

— Или я, или он. Если ты поедешь в Москву — можешь там и оставаться. Выберешь его, назад не возвращайся. Не пуцу, — говорит она и выходит из моей комнаты, показательно громко хлопая дверью.

Чего-о-о?

Это что было вообще? Она серьезно? Поставила меня перед выбором? Как можно выбрать между мамой и папой? Как это вообще?

Чувствую, как под веками собираются слезы от сильной обиды. Я ожидала от нее всего, но точно не этого.словно удар под дых! Разве можно ставить своего ребенка перед таким выбором? Да, в конце концов, я взрослый человек! Мне восемнадцать! Как можно говорить такое из-за того, что я просто хочу навестить отца?

Мне становится так обидно и горько, что решение приходит само собой. Я поеду к папе, это даже не обсуждается. Раз она так просто готова попрощаться со мной и отправить жить в чужой город, то поступлю именно так. Папа бы никогда так не сказал... Он отпускал меня с тяжелым сердцем, со словами, что двери его дома всегда для меня открыты. А тут... Не пуцу, говорит.

Ну и пожалуйста, что ж.

Поэтому я закидываю намного больше вещей, чем планировала. Рамочки с фотками, планшет, какие-то книги, несколько наборов формы для танцев... От слез и обиды я почти не даю себе отчет в том, что беру. Просто хватаю все подряд, сметаю с полок из шкафа в надежде, что точно беру все самое необходимое для жизни и не буду потом плакать по вещам, что оставила в Питере. Не вернусь больше!

Все взять не получается конечно, а больше чем один чемодан и рюкзак я банально не утащу. Но беру максимум того, что смогу забрать, и минут через двадцать выкатываюсь с этим всем добром в прихожую. Все еще не могу успокоиться, я не отличаюсь тем, что быстро остываю. Наоборот. Я горю до последнего, меня трогать не надо не то что ближайшие полчаса, лучше ближайший месяц!

А вот мама... Она как раз наоборот. Вспылит, а через десять минут делает вид, что ничего не произошло.

Так и сейчас. Я вижу краем глаза, что она тоже входит в прихожую, когда натягиваю кроссовки. Уже знаю, что она скажет.

— Ди, ты правда собралась к нему? Успокойся. Ну поссорились, с кем не бывает. У тебя поступление скоро! Давай остывай и пойдем прогуляемся.

Так все просто у нее! Словно и не было ничего! Словно и не выгоняла она меня, и папу не оскорбляла, и мнение мое в очередной раз слушать не хотела!

Я люблю маму, правда, но большего эгоиста, чем эта женщина, я в жизни своей не встречала.

— Я еду к папе. И поступать буду там! — отвечаю ей, надеваю рюкзак, хватаю чемодан за ручку.

— Я тебя не отпускала.

— А меня не надо отпускать! Во-первых, мне уже есть восемнадцать. Во-вторых, ты меня выгнала, если забыла. Так что спасибо за все, мама, но я ухожу.

Хлопнуть дверью, к сожалению, не выходит, но ухожу я с гордостью и очередными слезами на глазах. Обидно же! Но ничего... Приеду к папе, он меня успокоит.

Вызываю такси и слушаю, как мама из окна на весь двор кричит о том, что я сто раз пожалею о своем решении и обязательно приползу к ней. Я никогда не пойму эту женщину. Минуту назад она собиралась со мной прогуляться, когда за двадцать минут до этого выгнала из дома. Надеюсь, когда я буду родителем, буду больше похожа на папу... Его подход к воспитанию мне все-таки сильно ближе.

Наконец-то приезжает такси и увозит меня от этого сумасшествия на вокзал. Я, конечно, рискнула сорваться и даже не посмотрела билеты, но не думаю, что приобрести будет проблемой...

И проблемы на самом деле никакой нет. Идеально: поехать в ночь и утром быть уже в Москве. Выезжать через полчаса, поэтому я сажусь на свободное место в зале ожидания, достаю электронную книгу и продолжаю читать роман, который начала вчера. Так хорошо тут все у всех... Любовь, ухаживания. А мне бы хоть с родителями разобраться, не то что в какие-то там отношения метить.

За таким занятием время пролетает незаметно, и через назначенные полчаса я уже лежу на своей верхней полке.

Мне грустно, на самом деле настроение где-то чуть ниже плинтуса, но стараюсь не унывать. Еду ведь к папе! А то, что с мамой поссорилась, это, к сожалению, довольно частая история. Она остынет, как всегда, но я-то нет. Таких слов она мне еще не говорила, и забыть я вряд ли смогу. Остается надеяться, что папа разрешит пожить у него! Надо только найти его новую квартиру, я там ни разу еще не была... Но адрес есть! Я отправляла ему подарки почтой.

